

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2015-2016 учебный год

Муниципальный этап

10 класс

I. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ.

Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста (на выбор 1 или 2 вариант). Максимальное количество баллов – 70.

Вариант 1.

*Выполните целостный анализ рассказа **К.Паустовского «Снег»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности времени и пространства; функцию пейзажа и пейзажных деталей в структуре текста; символику ключевых слов и деталей (в т.ч. цветовых и музыкальных); приёмы изображения внешнего мира в тексте и его соотносённость с миром внутренним.*

Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Константин Георгиевич Паустовский
СНЕГ**

Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой нянькой.

Маленький дом - всего в три комнаты - стоял на горе, над северной рекой, на самом выезде из городка. За домом, за облетевшим садом, белела березовая роща. В ней с утра до сумерек кричали галки, носились тучами над голыми вершинами, накликали ненастье.

Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к пустынному городку, к его домишкам, скрипучим калиткам, к глухим вечерам, когда было слышно, как потрескивает в керосиновой лампе огонь.

"Какая я дура! - думала Татьяна Петровна. - Зачем уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няньке в Пушкино - там не было никаких налетов, - а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!"

Но возвращаться в Москву было уже нельзя. Татьяна Петровна решила выступать в лазаретах - их было несколько в городке - и успокоилась. Городок начал ей даже нравиться, особенно когда пришла зима и завалила его снегом. Дни стояли мягкие, серые.

Река долго не замерзала; от ее зеленой воды поднимался пар.

Татьяна Петровна привыкла и к городку и к чужому дому. Привыкла к расстроенному роялю, к пожелтевшим фотографиям на стенах, изображавшим неуклюжие броненосцы береговой обороны. Старик Потапов был в прошлом корабельным механиком. На его письменном столе с выцветшим зеленым сукном стояла модель крейсера "Громобой", на котором он плавал. Варе не позволяли трогать эту модель. И вообще не позволяли ничего трогать.

Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын моряк, что он сейчас в Черноморском флоте. На столе рядом с моделью крейсера стояла его карточка. Иногда Татьяна Петровна брала ее, рассматривала и, нахмутив тонкие брови, задумывалась. Ей все казалось, что она где-то его встречала, но очень давно, еще до своего неудачного замужества. Но где? И когда?

Моряк смотрел на нее спокойными, чуть насмешливыми глазами, будто спрашивал: "Ну что ж? Неужели вы так и не припомните, где мы встречались?"

- Нет, не помню, - тихо отвечала Татьяна Петровна.

- Мама, с кем ты разговариваешь? - кричала из соседней комнаты Варя.

- С роялем, - смеялась в ответ Татьяна Петровна.

Среди зимы начали приходить письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой. Татьяна Петровна складывала их на письменном столе. Однажды ночью она проснулась. Снега тускло светили в окна. На диване всхрапывал серый кот Архип, оставшийся в наследство от Потапова.

Татьяна Петровна накинула халат, пошла в кабинет к Потапову, постояла у окна. С дерева беззвучно сорвалась птица, стряхнула снег. Он долго сыпал белой пылью, запорошил стекла.

Татьяна Петровна зажгла свечу на столе, села в кресло, долго смотрела на язычок огня, - он даже не вздрагивал. Потом она осторожно взяла одно из писем, распечатала и, оглянувшись, начала читать.

"Милый мой старик, - читала Татьяна Петровна, - вот уже месяц, как я лежу в госпитале. Рана не очень тяжелая. И вообще она заживает. Ради бога, не волнуйся и не кури папиросу за папиросой. Умоляю!"

"Я часто вспоминаю тебя, папа, - читала дальше Татьяна Петровна, - и наш дом, и наш городок. Все это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я открываю калитку, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена, а кусты сирени все в инее. В комнатах трещат печи. Пахнет березовым дымом. Рояль, наконец, настроен, и ты вставил в подсвечники витые желтые свечи - те, что я привез из Ленинграда. И те же ноты лежат на рояле: увертюра к "Пиковой даме" и романс "Для берегов отчизны дальней". Звонит ли колокольчик у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я все это увижу опять? Неужели опять буду умываться с дороги нашей колодезной водой из кувшина? Помнишь? Эх, если бы ты знал, как я полюбил все это отсюда, издали! Ты не удивляйся, но я говорю тебе совершенно серьезно: я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что защищаю не только всю страну, но и вот этот ее маленький и самый милый для меня уголок - и тебя, и наш сад, и вихрастых наших мальчишек, и березовые рощи за рекой, и даже кота Архипа. Пожалуйста, не смейся и не качай головой.

Может быть, когда выпишусь из госпиталя, меня отпустят ненадолго домой. Не знаю. Но лучше не жди".

Татьяна Петровна долго сидела у стола, смотрела широко открытыми глазами за окно, где в густой синеве начинался рассвет, думала, что вот со дня на день может приехать с фронта в этот дом незнакомый человек и ему будет тяжело встретить здесь чужих людей и увидеть все совсем не таким, каким он хотел бы увидеть.

Утром Татьяна Петровна сказала Варя, чтобы она взяла деревянную лопату и расчистила дорожку к беседке над обрывом. Беседка была совсем ветхая. Деревянные ее колонки поседели, заросли лишаями. А сама Татьяна Петровна исправила колокольчик над дверью. На нем была отлита смешная надпись: "Я вишу у дверей - звони веселей!" Татьяна Петровна тронула колокольчик. Он зазвенел высоким голосом. Кот Архип недовольно задергал ушами, обиделся, ушел из прихожей - веселый звон колокольчика казался езде, очевидно, нахальным.

Днем Татьяна Петровна, румяная, шумная, с потемневшими от волнения глазами, привела из города старика настройщика, обрусевшего чеха, занимавшегося починкой примусов, керосинок, кукол, гармоник и настройкой роялей. Фамилия у настройщика была очень смешная: Невидаль. Чех, настроив рояль, сказал, что рояль старый, но очень хороший. Татьяна Петровна и без него это знала.

Когда он ушел, Татьяна Петровна осторожно заглянула во все ящики письменного стола и нашла пачку витых толстых свечей. Она вставила их в подсвечники на рояле. Вечером она зажгла свечи, села к роялю, и дом наполнился звоном.

Когда Татьяна Петровна перестала играть и погасила свечи, в комнатах запахло сладким дымом, как бывает на елке.

Варя не выдержала.

- Зачем ты трогаешь чужие вещи? - сказала она Татьяне Петровне. - Мне не позволяешь, а сама трогаешь. И колокольчик, и свечи, и рояль - все трогаешь. И чужие ноты на рояль положила.

- Потому что я взрослая, - ответила Татьяна Петровна.

Варя, насупившись, недоверчиво взглянула на нее. Сейчас Татьяна Петровна меньше всего походила на взрослую. Она вся как будто светилась и была больше похожа на ту девушку

с золотыми волосами, которая потеряла хрустальную туфлю во дворце. Об этой девушке Татьяна Петровна сама рассказывала Варе.

Еще в поезде лейтенант Николай Потапов высчитал, что у отца ему придется пробыть не больше суток. Отпуск был очень короткий, и дорога отнимала все время.

Поезд пришел в городок днем. Тут же, на вокзале, от знакомого начальника станции лейтенант узнал, что отец его умер месяц назад и что в их доме поселилась с дочерью молодая певица из Москвы.

- Эвакуированная,- сказал начальник станции. Потапов молчал, смотрел за окно, где бежали с чайниками пассажиры в ватниках, в валенках. Голова у него кружилась.

- Да, - сказал начальник станции, - хорошей души был человек. Так и не довелось ему повидать сына.

- Когда обратный поезд? - спросил Потапов.

- Ночью, в пять часов, - ответил начальник станции, помолчал, потом добавил: - Вы у меня перебудьте. Старуха моя вас напоит чайком, накормит. Домой вам идти незачем

- Спасибо, - ответил Потапов и вышел

Начальник посмотрел ему вслед, покачал головой.

Потапов прошел через город, к реке. Над ней висело сизое небо. Между небом и землей наискось летел редкий снежок. По унавоженной дороге ходили галки. Темнело. Ветер дул с того берега, из лесов, выдувал из глаз слезы.

"Ну что ж! - сказал Потапов. - Опоздал. И теперь это все для меня будто чужое - и городок этот, и река, и дом".

Он оглянулся, посмотрел на обрыв за городом. Там стоял в инее сад, темнел дом. Из трубы его поднимался дым. Ветер уносил дым в березовую рощу.

Потапов медленно пошел в сторону дома. Он решил в дом не заходить, а только пройти мимо, быть может, заглянуть в сад, постоять в старой беседке. Мысль о том, что в отцовском доме живут чужие, равнодушные люди, была невыносима. Лучше ничего не видеть, не растревлять себе сердце, уехать и забыть о прошлом!

"Ну что же, - подумал Потапов, - с каждым днем делаешься взрослее, все строже смотришь вокруг".

Потапов подошел к дому в сумерки. Он осторожно открыл калитку, но все же она скрипнула. Сад как бы вздрогнул. С веток сорвался снег, зашуршал. Потапов оглянулся. К беседке вела расчищенная в снегу дорожка. Потапов прошел в беседку, положил руки на старенькие перила. Вдали, за лесом, мутно розовело небо – должно быть, за облаками подымалась луна. Потапов снял фуражку, провел рукой по волосам. Было очень тихо, только внизу, под горой, брнчали пустыми ведрами женщины - шли к проруби за водой.

Потапов облокотился о перила, тихо сказал:

- Как же это так?

Кто-то осторожно тронул Потапова за плечо. Он' оглянулся. Позади него стояла молодая женщина с бледным строгим лицом, в накинута на голову теплом платке. Она молча смотрела на Потапова темными внимательными глазами. На ее ресницах и щеках таял снег, осыпавшийся, должно быть, с веток.

- Наденьте фуражку, - тихо сказала женщина, - вы простудитесь. И пойдете в дом. Не надо здесь стоять.

Потапов молчал. Женщина взяла его за рукав и повела по расчищенной дорожке. Около крыльца Потапов остановился. Судорога сжала ему горло, он не мог вздохнуть. Женщина так же тихо сказала:

- Это ничего. И вы, пожалуйста, меня не стесняйтесь. Сейчас это пройдет.

Она постучала ногами, чтобы сбить снег с ботишков. Тотчас в сениях отозвался, зазвенел колокольчик. Потапов глубоко вздохнул, перевел дыхание.

Он вошел в дом, что-то смущенно бормоча, снял в прихожей шинель, почувствовал слабый запах березового дыма и увидел Архипа. Архип сидел на диване и зевал. Около дивана стояла девочка с косичками и радостными глазами смотрела на Потапова, но не на его лицо, а на золотые нашивки на рукаве.

- Пойдемте! - сказала Татьяна Петровна и повела Потапова в кухню.

Там в кувшине стояла холодная колодезная вода, висело знакомое льняное полотенце с вышитыми дубовыми листьями.

Татьяна Петровна вышла. Девочка принесла Потапову мыло и смотрела, как он мылся, сняв китель. Смущение Потапова еще не прошло.

- Кто же твоя мама? - спросил он девочку и покраснел.

Вопрос этот он задал, лишь бы что-нибудь спросить.

- Она думает, что она взрослая, - таинственно прошептала девочка. – А она совсем не взрослая. Она хуже девочка, чем я.

- Почему? - спросил Потапов.

Но девочка не ответила, засмеялась и выбежала из кухни.

Потапов весь вечер не мог избавиться от странного ощущения, будто он живет в легком, но очень прочном сне. Все в доме было таким, каким он хотел его видеть. Те же ноты лежали на рояле, те же витые свечи горели, потрескивая, и освещали маленький отцовский кабинет. Даже на столе лежали его письма из госпиталя - лежали под тем же старым компасом, под который отец всегда клал письма.

После чая Татьяна Петровна провела Потапова на могилу отца, за рощу. Туманная луна поднялась уже высоко. В ее свете слабо светились березы, бросали на снег легкие тени.

А потом, поздним вечером, Татьяна Петровна, сидя у рояля и осторожно перебирая клавиши, обернулась к Потапову и сказала:

- Мне все кажется, что где-то я уже видела вас.

- Да, пожалуй, - ответил Потапов.

Он посмотрел на нее. Свет свечей падал сбоку, освещал половину ее лица.

Потапов встал, прошел по комнате из угла в угол, остановился.

- Нет, не могу припомнить, - сказал он глухим голосом.

Татьяна Петровна обернулась, испуганно посмотрела на Потапова, но ничего не ответила.

Потапову постелили в кабинете на диване, но он не мог уснуть. Каждая минута в этом доме казалась ему драгоценной, и он не хотел терять ее.

Он лежал, прислушивался к воровским шагам Архипа, к дребезжанию часов, к шепоту Татьяны Петровны, - она о чем-то говорила с нянкой за закрытой дверью. Потом голоса затихли, нянька ушла, но полоска света под дверью не погасла. Потапов слышал, как шелестят страницы, - Татьяна Петровна, должно быть, читала. Потапов догадывался: она не ложится, чтобы разбудить его к поезду. Ему хотелось сказать ей, что он тоже не спит, но он не решился окликнуть Татьяну Петровну.

В четыре часа Татьяна Петровна тихо открыла дверь и позвала Потапова.

Он зашевелился.

- Пора, вам надо вставать, - сказала она. - Очень жалко мне вас будить!

Татьяна Петровна проводила Потапова на станцию через ночной город.

После второго звонка они попрощались. Татьяна Петровна протянула Потапову обе руки, сказала

- Пишите. Мы теперь как родственники. Правда?

Потапов ничего не ответил, только кивнул головой. Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

"Я вспомнил, конечно, где мы встречались, - писал Потапов, - но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните, Крым в двадцать седьмом году? Осень. Старые платаны в Ливадийском парке. Меркнувшее небо, бледное море. Я шел по тропе в Ореанду. На скамейке около тропы сидела девушка. Ей было, должно быть, лет шестнадцать. Она увидела меня, встала и пошла навстречу. Когда мы поравнялись, я взглянул на нее. Она прошла мимо меня быстро, легко, держа в руке раскрытую книгу. Я остановился, долго смотрел ей вслед. Этой девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Я смотрел вам вслед и почувствовал тогда, что мимо меня прошла женщина, которая могла бы и разрушить всю мою жизнь, и дать мне огромное счастье. Я понял, что могу полюбить эту женщину до полного отречения от себя. Тогда я уже знал, что должен найти вас, чего бы это ни стоило. Так я думал тогда, но все же не двинулся с места. Почему – не знаю. С тех пор я полюбил Крым и эту тропу, где я видел вас только

мгновение и потерял навсегда. Но жизнь оказалась милостивой ко мне, я встретил вас. И если все окончится хорошо и вам понадобится моя жизнь, она, конечно, будет ваша. Да, я нашел на столе у отца свое распечатанное письмо. Я понял все и могу только благодарить вас издали".

Татьяна Петровна отложила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад за окном, сказала.

- Боже мой, я никогда не была в Крыму! Никогда! Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение? И стоит ли разуверять его? И себя!

Она засмеялась, закрыла глаза ладонью. За окном горел, никак не мог погаснуть неяркий закат.

1943

Вариант 2.

Выполните целостный анализ стихотворения Юрия Левитанского «Рисунок», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: семантику образов-символов, в т.ч. зрительных; отбор деталей пейзажа, приёмы изображения внешнего мира в тексте и его соотносённость с миром внутренним; смысловое наполнение цветовой палитры стихотворения; особенности ритмики и строфики (например, предельно длинные строки и пр.), следование традициям русской поэзии.

Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Ю.Д.Левитанский **Рисунок**

И когда мне захотелось рисовать,
и руки мои потянулись
к бумаге и краскам,
как руки голодного тянутся к черствому хлебу,
я взял акварельные краски, бумагу и кисти,
и, замысла своего
пока еще не зная сам,
я стал рисовать три руки, растущие из земли,
три руки,
обращенные к небу,
к беззвездным ночным, чернильно синеющим небесам.

Я не жалел ни труда и ни сил,
ни бумаги, ни акварели,
то ультрамарин, то охра и умбру поочередно беря.
И одна рука получилась маленькой
и почти изумрудно-зеленой,
как лист в апреле,
а вторая чуть больше (зеленое с красным),
третья большая
и красная,
как последний лист сентября.

Я творенье свое разглядывал,
еще не совсем понимая,
что бы это все означало,
но после я понял, взглядевшись внимательнее
в эти руки,
растущие, как деревца,
что они последовательно означали собою — начало,
и — продолженье начала, и — приближенье конца.

И все это выразилось теперь
с отчетливостью такою,
как утреннее облако отражается
в тихой рассветной реке.
И я понял, что замысел,
который движет нашей рукою,
выше, чем вымысел,
который доступен нашей руке.

И поэтому вовеки не будет наш труд напрасным,
а замысел —
праздным,
и будет прекрасным дело, которое изберем,
и все наши годы — лишь мягкие переходы
между зеленым и красным,
перемены погоды между апрелем и сентябрем.

II. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (50 баллов)

Подумайте, какие герои разных литературных произведений могли бы стать друзьями. Что могло бы их объединить?

Представьте встречу литературных героев, какой диалог мог бы между ними состояться? О чём могли бы поговорить выбранные Вами персонажи, что обсудить, какие вопросы задать друг другу?

Аргументируйте выбор героев, т.е. ответьте на вопрос: почему именно эти персонажи, на Ваш взгляд, могли бы стать друзьями?

Опишите место встречи этих героев: когда, где и при каких обстоятельствах могла бы состояться эта встреча.

Подумайте, как в диалоге могут проявиться черты характера героя. Обратите внимание на особенности речи героев, их принадлежность определенной эпохе. Для воссоздания образов персонажей используйте не только реплики героев, но и слова автора.

Напишите небольшой текст на основе диалога (примерный объём – 1 – 1,5 страницы текста).